

ОДЕР

Николай Ярошенко

Николай Васильевич Ярошенко

Одер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70609054

SelfPub; 2024

Аннотация

Судьба связала меня с автором этих стихов очень давно. Я женился на его дочери и поэтому добрая половина его жизни прошла на моих глазах. Хотя непросто складывались мои с ним взаимоотношения, могу твёрдо сказать, что это был самый честный человек на белом свете. Его семья была подвергнута политическим репрессиям, отец расстрелян в 1938 году, а сам он едва не умер от голода. И несмотря на это, когда пришла пора защищать Родину, которая обошлась с ним так сурово и несправедливо, он честно это сделал. Николай Ярошенко никогда не пользовался какими-либо привилегиями. Солдаты никогда не строили ему дачу, которой у него никогда не было. Он никогда не врал и никому не позволял этого делать, поэтому и дослужился всего лишь до полковника, хотя боевых наград имел больше чем кто-либо. "Одер" – это документальная повесть в стихах от очевидца и участника тех героических событий. Я верю каждой строке этого стихотворения, потому, что её написал самый честный человек на белом свете. Александр Саян.

Содержание

Об авторе	4
ОДЕР февраль 1945 г.	7

Николай Ярошенко

Одер

Об авторе

Расскажу вам о моем отце – герое ВОВ **ЯРОШЕНКО НИКОЛАЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ**, так как в селе Белый Яр, в котором он жил

и был призван на войну 10.01.1943г. Завитинским РВК, сейчас осталось всего 7 школьников. И рассказывать некому.

Отец его Ярошенко Василий Иванович был расстрелян в 1938г. И реабилитирован в 1959, как жертва политических репрессий. Из 4-х детей у вдовы в живых осталось 3-е. Отец был старшим. Младшая Соня умерла от голода.

У отца было много наград, но ценил он только военные. Фото прилагаю.

После войны служил еще 37 лет. Гордился тем, что в мирное время ни одного солдата не отправил домой раненым или покалеченным. Все время был на службе и дома я его видела мало. В войсках дослужился до звания полковник.

До 1970г. был командиром полка в г. Новороссийске. Потом 2 года служил военным советником в Сомали, где отвечал за военную подготовку одного из 3-х районов государства. Условия в сухих саваннах были такие, что его пред-

шественника вывезли домой с тяжелым нервным расстройством. Отец на второй год службы в Африке заболел малярией и до конца жизни страдал от тяжелых приступов.

В 1989г., в начале перестройки приглашался одной западной корпорацией для руководства частной военной организацией в Африке. Отказался из-за политических убеждений.

До конца жизни оставался коммунистом, преданным Родине.

До самой смерти в 80 лет преподавал на военной кафедре в мединституте г. Краснодара. Похоронен в этом городе на кладбище Солнечное под оружейные залпы почетного караула.

ОДЕР февраль 1945 г.

г. Краснодар 1995 г.

1

За городишком Аурит
На Одерском плацдарме
Уж три недели полк лежит, -
А это не в казарме.
Вода и грязь везде, кругом,
Башку днем не поднимешь:
Все пристрелял, все под огнем,
Есть русские меж ними.
А если кухня подойдет,
Как только наземь тьма падет, -
Болванками стреляет
И трассой прошивает.
От Аурит на Цильтендорф -
Шоссейная дорога,
А по бокам – болото ль, торф,
Помучились там много.
Настанет ночь и солдат прочь
С грязи той на дорогу,
И смерть презрев едва успев
Погреется немного.
Ракета ввысь, и понеслись
К нам трассы пулемета.

В канаву в грязь вновь улеглась
Привычная пехота.
Ночной порой прошли по льду
И сбили немцев с дамбы.
Поверху льда уж шла вода,
Но немцам многим амба.
Ночь помогла, и мы прошли,
Но дальше было хуже.
С высот – огонь, мы залегли
В канаву, кругом лужи.
Внизу вода, а сбоку грязь,
Мы малость окопались,
Стрельба прицельно днем велась,
Так в воду опускались.
Траншеи нет, окопа нет,
Вода из-под лопаты,
А враг с высот "гостинцы" шлет
И гробит нас, проклятый.
По Польше шли, снега мели,
А здесь и снег и слякоть;
Не сапоги, а ком земли,
Здесь не житуха – пакость.

2

Тяжеловато нам пока
Взять в той деревне языка.
Но вот поляк перебежал
И кое-что нам рассказал.
Антонов – ротный командир,
Там русские, поляки,

Для них уж не наступит мир,
Не люди – вурдалаки.
Двенадцать максимов у них,
И потому Антонов лих.
Заговорят те станкачи,-
Заляжет цепь и замолчит.
Есть школа унтер-офицеров,
Сопливая элита,
На дамбе была бита,
Теперь огнем прикрыта.
О языке еще сказал:
"У вас его схватили,
На месте допросили,
Отправить немец приказал.
Но в штаб его не довели,
Приказ, нарушив тот;
Поиздевались, как могли,
Разрезали живот.

3

Коль немец станет отходить,
И немца могут застрелить.
Решил домой вернуться
И им уж больше не служить.
Поставили наш пулемет
В засаду у канала,
Я русского убил, и вот, -
Фортуна помогала."
Герой прямой наводки
Наш капитан Титков,

Его сорокапятки
Палили – будь здоров.
Но мины и снаряды
По льду не наносить, -
С высот огнем те гады
Сумели лед пробить.
Поверху льда идет вода,
А под водой полыньи;
Ночной порой нырнешь туда,
На тот свет путь не длинный.
И тает полк, какой в том толк?
Даешь нам наступленье!
Из грязи встать, высоты взять,
Но нету подкрепленья.

4

Коль здраво – нечего шуметь,
Людей по ротам одна треть,
Патронов больше бы иметь
И здесь хоть продержаться.
Какой же это батальон,
Когда насчитывает он
Активных семьдесят штыков?
И их в полку лишь два.
Майор же Жуков с Вислы
Сел с батальоном на броню.
Как там воюется ему?
А нам здесь очень кисло.
Ведь здесь не главный был удар,
И потому наш командарм

Нам силы не прибавил,
А фронт держать заставил.
Все же пошли, но залегли.
Прорвался лишь охватом
Вокруг упорной Цильтендорф
Наш лейтенант Панкратов.
Толковый был он лейтенант,
Имел же воинский талант,
Его все уважали,
На передке держали.

5

Попал в засаду в Польше полк,
Когда на марше были.
Команду подал, был в ней толк,
И меньше схоронили.
Прошла война, на батальон
Солидных стали назначать.
А на плацдарме тех времен
Солидных было не видать.
Когда жестокий был аврал,
Ту должность взводный занимал,
Штабные же не рвались,
Подальше все вращались.
У нас снарядов, видно, нет,
Лишь только пыль подняли,
И от "катюши" им "привет"
Ни разу не послали.
"На помощь батя нас прислал", -
Пробралась с тыла группа,

Подходят, вмиг в спине кинжал,
Пошарили у трупа.
То просочились вурдалаки
И поработали в цепи,
Добили раненых, собаки,
Исчезли... где там их найти.

6

Отбил нас враг, и отошли
Полком в свою канаву.
И в эту ночь мы не нашли
Военную ту славу.
Назад начальство не велит,
Вперед – враг не пускает,
Значит лежать нам здесь и гнить,
На фронте так бывает.
И тут траншейная стопа, -
Пехота приболела,
Так что не снимешь сапога,
А это уж не дело.
Плацдарм тот надо удержать,
Так сверху повелели.
И спирт нам стали выдавать,
Чтоб люди не болели.
И лед пошел, нет переправ,
Снабженья, значит, нету.
Солдат ворчит, он может прав,-
Поплаваем одетым.
И правда, сунулись они,
Но тоже их отбили.

Тянулись тяжкие те дни.

Болели... хоронили.

7

Проверка – нужен тот обход.

Смотрю – на месте пулемет,

Однако же наводчик

Храпит вовсю, как бегемот.

И сам я спал, когда шагал

Впереди взвода маршем.

А этот сам себя спасал:

Спал, дробь ногами выбивал,

И был меня он старше.

С гашетки голову поднял,

И второй номер тоже спал,

Дежурный наш расчет.

Смертельно, знать, солдат устал,

Повыбился народ.

А на рассвете тишина...

Вдруг музыку включили,

Она хорошая была,

Потом заговорили:

"Зачем пришли вы разрушать

Красивые селенья?

Зачем решили умирать

Вдали от мест рожденья?"

8

Солдат молчит, но злость кипит,

Ведь Родину порушил.

Ну, погоди, злодей, бандит,

Повытрясем вам душу.
Летит, ворчит от них снаряд.
Рванул,— в земле мы видим клад:
Муку и сало видно.
Да, жил здесь фриц солидно,
У дома спрятал, снаряд вскрыл.
Здесь немцы постарались.
А то ни жрать и ни стрелять,
Уж мало что осталось.
Швыряет "чемоданы",
В земле такие раны,
Что домик можно схоронить.
Но этот спас, и можно жить.
Стоит тот одинокий дом,
Скотина битая кругом.
КП полка – там Климачев,
Как выпьет, воин будь здоров.
Дивизионный генерал,
Был командир, что надо.
Всю жизнь свою провоевал,
То видно по наградам.

9

За битву Курскую ему
Звезду героя дали.
Не до парадов, потому
Тогда мы и не знали.
Десяток высших орденов
У Еньшина, вот был каков.
Сейчас хотя бы одну треть

За дело кой-кому иметь.
Саперы выручили нас,
Понтонный мост связали.
По грудь в той ледяной воде
Опоры укрепляли.
И под бомбежкой, под огнем
Потом дежурили на нем.
Когда же снова рвали,
То заново вязали.
Был тот район кошмаром,
И потому недаром
Сапер героя получил,
Один то званье заслужил.
Чтобы понтон утяжелить
И от бомбежки сохранить,
Мрамор нашли с кладбища,-
Для остряков-то пища.

10

Налево – нету никого,
Оттуда есть угроза;
Для командира моего
То острая заноза.
А справа бьется наш сосед,
Геройский Лактионов,
После войны двенадцать лет
Служил он без поклонов.
Я с академии попал
К нему на стажировку,
Он в Ланденпохье продолжал

Командовать полком тем.
На фронте он майор-герой,
А здесь герой-полковник,
Но должность сохранили, -
Не гибкий был... забыли.

Аэродромы наши
Раскисли и отстали,
Одна пехота пашет,
Её не прикрывали.

А враг бомбит и не дает
В Германию прорваться.
Но надо, надо всем вперед,
За все там рассчитаться.

11

Вот так мы закругляли
Тот Висло-Одерский поход.
Шестьсот верст прошагали
Бегом, ползком... Ура! Вперед!
Осталось до Берлина
Всего семьдесят пять, -
Растаяла пехота
И некому пахать.
Но вот Цветаев нас сменил,
Отвел с плацдарма, наградил.
Как следует помылись,
От вшей освободились.
И письма написали,
Мол, я живой, как пень глухой,
А мой товарищ на покой

Ушел, чтобы не ждали.
В наш полк вернулся батальон,
И майор Жуков доложил,
Почти что сохранился он,
И сам героя получил.
Избит он был со всех сторон,
Когда в пехоте воевал,
И направлялся в тыл уж он,
Но в тыл уйти не пожелал.

12

"Я буду биться до конца,
За брата буду мстить."
И как такого храбреца
Самим не наградить?
Ведь пачку справок он носил
В планшете за раненья,
А лишь танкист и наградил
За боевое рвенье.
Полк принял пополнение
И снова надо в бой,
На новом направлении
Всяк за своей судьбой.
Опять с боями мы прошли
Чуть меньше – верст пятьсот.
От Одера до Эльбы
Тяжелый был поход.
Меня всевышний охранял,
Чтоб я правдиво описал,
Как тяжкой поступью страна

По миру грешному прошла.
В конце концов народ устал,
И сатана вновь правит бал.
Но гнев России закипает,
Народ еще не все сказал.

Май 1995 г.